

Алиса рассмеялась.

— Это не поможет! — сказала она. —

Нельзя поверить в невозможное!

— Просто у тебя мало опыта, — заметила Королева. — В твоём возрасте я уделяла этому полчаса каждый день. В иные дни я успевала поверить в десяток невозможностей до завтрака.

Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

ПРОЛОГ

1996 год

Джун

Поначалу я поверила во второй шанс. Иначе как еще объяснить тот факт, что после аварии, когда дым рассеялся и автомобиль, перестав кувыркаться, приземлился вверх колесами в канаву, я выжила и слышала плач моей крошки Элизабет? Полицейский вытащил нас из машины и отвез в больницу, где мне наложили гипсовую повязку на сломанную ногу, а Элизабет — совершенно невредимая, о чудо! — все время сидела у него на коленях. Он держал меня за руку на процедуре опознания тела моего мужа Джека. Полицейский присутствовал на похоронах. Он наведался ко мне домой, чтобы лично сообщить об аресте пьяного водителя, столкнувшего нас с дороги.

Полицейского звали Курт Нилон. Он долго еще продолжал навещать меня после суда и вынесения приговора, чтобы удостовериться, что у нас с Элизабет все хорошо. Он приносил игрушки на ее день рождения и Рождество. Прочищал засорившиеся трубы в ванной на втором этаже. После дежурства приезжал стричь траву в саванне, возникшей на месте нашей лужайки.

Джек был любовью всей моей жизни, и, выходя замуж, я собиралась остаться с ним навсегда. Но это было до того, как какой-то мужик с уровнем алкоголя в крови 0,22 промилле разрушил это «навсегда». Меня тогда удивило, что Курт понимал: можно и не полюбить так же сильно, как в первый раз, — но еще больше удивило, когда оказалось, что полюбить все-таки можно.

Через пять лет я, узнав, что у нас с Куртом будет ребенок, почти пожалела об этом. Чувство было сродни тому, как, стоя в прекрасный летний день под необъятными голубыми небесами, предвидишь, что никакое возможное будущее уже не сравнится с этим моментом. Когда умер Джек, Элизабет было два года, и она считала Курта своим отцом. У них сложились особенные отношения, и подчас я ощущала себя третьей лишней, как если бы Элизабет была принцессой, а Курт — ее рыцарем.

С приближением появления маленькой сестрочки (странно, но все мы представляли себе только девочку) у Курта и Элизабет развилось состояние крайнего возбуждения. Элизабет рисовала подробные эскизы детской комнаты. Курт нанял подрядчика для сооружения пристройки. Но потом у матери строителя случился удар, и ему пришлось неожиданно переехать во Флориду. Ни одна другая бригада не успевала выполнить наш заказ до рождения ребенка. В стене дома зияла дыра, потолок чердака протекал, на подошвах обуви росла плесень.

Как-то раз, на седьмом месяце беременности, я спустилась в гостиную и увидела, что Элизабет играет в ворохе листьев, занесенных в комнату из-под пластиковой завесы. Мое смятение — то ли разреветься, то ли убрать листья с ковра — прервал звонок в дверь.

Стоявший на пороге незнакомец держал в руках холщовую сумку с инструментами — она всегда была при нем, как у некоторых всегда с собой бумажник. Его спутанные волосы падали на плечи. От замызанной одежды веяло снегом, хотя для этого еще не настала пора. Шэй Борн возник неожиданно, как рекламная листовка с летнего карнавала, подхваченная зимним ветром, что вызывает лишь недоумение, где она таилась все это время.

Заговорил он сумбурно, сбиваясь с мысли. Ему даже пришлось замолчать, чтобы подобрать нужные слова и сказать то, что собирался.

— Я хочу... — начал он, но смутился и попытался снова: — У вас... есть здесь, потому что... — От напряжения у него на лбу выступили мелкие капельки пота, наконец он произнес: — Есть тут у вас какая-нибудь работа?

В этот момент ко мне подбежала Элизабет, и я стала закрывать дверь, инстинктивно защищая дочь.

Уходи, подумала я, а вслух выпалила:

— Пожалуй, нет...

Элизабет взяла меня за руку и, подняв взгляд на мужчину, заявила:

— Много всего надо починить.

Присев на корточки, он свободно заговорил с моей дочерью. Слова, минуту назад дававшиеся ему с большим трудом, теперь лились потоком.

— Я могу вам помочь, — заверил он.

Курт всегда предостерегал меня, что люди на самом деле не такие, какими кажутся, что, прежде чем давать обещания, необходимо выяснить все данные о человеке. На это я обычно отвечала, что он чересчур подозрителен, что он коп до мозга костей. В конце концов, самого Курта я впустила в свою жизнь просто потому, что у него добрые глаза и щедрое сердце, — и даже он сам не оспаривал результат.

— Как вас зовут? — спросила я.

— Шэй. Шэй Борн.

— Вы наняты, мистер Борн, — сказала я, и это стало началом конца.

СЕМЬ МЕСЯЦЕВ СПУСТЯ

Майкл

Шэй Борн совершенно не походил на человека, которого я ожидал увидеть.

Я полагал, что встречу неуклюжего верзилу с мясистыми кулаками, короткой шеей и глазами-щелочками. Это же было преступление века — двойное убийство, приковавшее к себе внимание обывателей от Нашуа до деревушки Диксвилл-Нотч; преступление еще более ужасное из-за его жертв: маленькой девочки и полицейского, ее отчима. Оно заставляло задуматься: а безопасно ли находиться в собственном доме, не нападут ли на тебя в любой момент те, кому ты доверял? Вероятно, по этой причине прокуроры Нью-Гэмпшира впервые за пятьдесят восемь лет добивались вынесения смертного приговора.

Поскольку СМИ проводили массированную кампанию, то поговаривали даже, что вряд ли найдутся двенадцать присяжных, не успевших составить мнение об этом преступлении, но суду удалось разыскать нас. Меня раскопали в читальном зале Университета Нью-Гэмпшира, где я писал дипломную работу с отличием по математике. Я месяц жил впроголодь и не следил за новостями, так что оказался идеальным кандидатом для дела Шэя Борна, совершившего тяжкое убийство.

В первый раз, когда мы вышли гуськом из «загона» для присяжных — комнатухи в здании главного суда первой инстанции, которая вскоре стала нам чем-то вроде родного дома, — я подумал, что судебный пристав по ошибке привел нас не в тот зал. Обвиняемый был невы-

сок ростом и имел хрупкое телосложение. Таких парней обычно донимают шутками в старших классах. На нем был твидовый пиджак, в котором он совершенно утонул, а узел галстука оттопыривался от шеи под прямым углом, словно под действием магнита. Руки в наручниках свернулись на коленях наподобие маленьких зверьков, голова была выбрита почти наголо. Он уставился на свои ноги и не поднял взгляд, даже когда судья произнес его имя, прошелестевшее, как пар из радиатора.

Пока адвокаты готовились к заседанию, в зал влетела муха. Я заметил ее по двум причинам: в марте в Нью-Гэмпшире мухи — редкость, и еще я подумал, как же прихлопнуть ее в наручниках и с цепью на поясе. Увидев перед собой насекомое, застывшее на странице желтого блокнота, Шэй Борн поднял руки и с металлическим звоном шмякнул ими по столу. Потом один за другим веером раскрыл пальцы, и муха взмыла вверх, намереваясь докучать кому-то другому.

Он перевел взгляд на меня, и я понял два факта:

1. Он напуган.
2. Он примерно одного со мной возраста.

Этот убийца-монстр напомнил мне капитана команды по водному поло, с кем в прошлом семестре я сидел рядом на семинарах по экономике. Он напомнил мне также курьера из ресторана, где выпекали пиццу с тонкой корочкой, какую я обожаю. Он даже напомнил мне недавнего прохожего, которого я увидел из машины по дороге в суд. Валил снег, и поэтому я, опустив стекло, предложил парню подвезти его. Иначе говоря, в облике осужденного не было ничего от убийцы. На его месте мог быть любой двадцатилетний юноша. На его месте мог быть я.

Разница состояла в том, что он сидел в десяти футах от меня с закованными в железо запястьями и лодыжками, а в мою задачу входило решить, заслуживает он жизни или нет.

Месяц спустя я мог бы сказать, что работа в коллегии присяжных совершенно не похожа на то, что показывают по телевизору. Мы без конца шествовали гуськом из совещательной комнаты в зал суда и обратно; ели на ланч какую-то дрянь из местного гастронома. Некоторые адвокаты упивались собственными речами, и, поверьте мне, ни один из окружных прокуроров не выступал с такой горячностью, как та девушка из сериала «Закон и порядок. Специальный корпус». Даже четыре недели спустя войти в зал суда для меня было все равно что приехать в чужую страну без путеводителя... хотя и не годилось оправдывать свое невежество тем, что я турист. От меня ждали беглого общения на иностранном языке.

Первая часть процесса завершилась: мы осудили Борна. Сторона обвинения предоставила гору улик, доказывающих, что Курт Нилон был застрелен при исполнении служебных обязанностей, когда пытался арестовать Шэя Борна, которого застал со своей падчерицей, причем в кармане последнего лежали трусики девочки. Джун Нилон, вернувшись домой после посещения гинеколога, обнаружила трупы мужа и дочери. Невнятные аргументы, предложенные защитой, — что Курт неправильно понял косноязычного Борна, что пистолет выстрелил случайно, — не шли ни в какое сравнение с бесспорными уликами обвинения. Более того, Борн ни разу не выступил в свою защиту, что могло объясняться его неумением владеть речью... или тем, что он, будучи виновен во всех грехах, был темной лошадкой и ему не доверяли собственные адвокаты.

Мы уже почти закончили со второй частью судебного процесса — стадией вынесения приговора, — то есть с тем, что отличало данное разбирательство от любого другого дела об убийстве в Нью-Гэмпшире за последние полвека. Теперь, когда было доказано, что Борн совершил преступление, нам предстояло решить, заслуживает ли он смертной казни.

Эта часть чем-то напоминала сжатый, как в «Ридерз дайджесте», вариант первой части. Сторона обвинения подвела итог свидетельским показаниям, представленным в ходе уголовного процесса, а затем защита получила возможность попытаться вызвать сочувствие к убийце. Мы узнали, что Борна воспитали приемные родители, а когда ему было шестнадцать, он поджег их дом, за что провел два года под стражей в исправительном учреждении для несовершеннолетних правонарушителей. У него был маниакально-депрессивный психоз, который никогда не лечили, центральное нарушение обработки слуховой информации, он не выносил сенсорные перегрузки, испытывал сложности с чтением, письмом и речевыми навыками. Правда, все это мы уже слышали от свидетелей. И опять Шэй Борн ни разу не предстал перед судом, чтобы попросить о снисхождении.

По завершении прений сторон я заметил, как прокурор поправил полосатый галстук, прежде чем выйти вперед. Огромное различие между обычным процессом и этапом вынесения приговора с высшей мерой наказания состоит в том, кому предоставляется заключительное слово. Сам я этого не знал, но Морин, очень симпатичная пожилая присяжная — мне бы такую бабушку! — не пропустила ни одной серии «Закона и порядка» и в результате заработала себе место в управлении юстиции. В большинстве судебных процессов сторона обвинения выступала последней, и все только что сказанное жужжало у тебя в голове, когда ты шел совещаться в комнату присяжных. Однако на этапе вынесения смертного приговора сначала выступало обвинение, а потом защита использовала последний шанс изменить твое мнение.

Речь ведь действительно шла о жизни и смерти.

Прокурор остановился перед скамьей присяжных и обратился к нам:

— В истории штата Нью-Гэмпшир минуло пятьдесят восемь лет, с тех пор как юристу моего ведомства

пришлось просить присяжных вынести столь же сложное и серьезное решение, как то, что предстоит принять вам, двенадцати гражданам. Это решение никому из нас не дается легко и выносится на основе установленных фактов по делу. Это решение призвано воздать должное памяти Курта Нилона и Элизабет Нилон, которых лишили жизни так трагично и подло.

Он взял в руки огромную фотографию и поднял ее как раз передо мной. Элизабет была одной из тех девочек, которые словно созданы из чего-то более воздушного, чем плоть, с бархатистой кожей и белокурыми локонами; из тех, что могли бы парить в воздухе, если бы не кроссовки на ногах. Но снимок был сделан уже после того, как ее застрелили. Забрызганные кровью лицо и волосы, широко открытые глаза. Под платьем, задравшимся при падении, — нагое тело.

— Элизабет Нилон никогда не научится делить столбиком, или скакать верхом, или выполнять переворот назад. Она никогда не поедет в лагерь с ночевкой, не пойдет на бал учащихся предпоследнего класса или выпускной вечер. Она никогда не примерит первую пару туфель на высоком каблуке, у нее никогда не будет первого поцелуя. Она никогда не пригласит домой парня знакомиться с матерью, никогда отчим не поведет ее под венец, она никогда не узнает свою сестру Клэр. Она пропустит все эти моменты и тысячу других — не из-за такой трагедии, как автомобильная авария или детская лейкемия, — а потому, что Шэй Борн решил, что она не заслуживает ничего из этого.

Прокурор достал еще одну фотографию и показал нам. Курт Нилон был убит выстрелом в живот. Голубая форменная рубашка пропиталась его багровой кровью и кровью Элизабет. Во время судебного процесса нам рассказывали, что, когда к нему подошли парамедики «скорой помощи», он не хотел выпускать девочку из рук, хотя сам истекал кровью.

— Шэю Борну мало было отнять жизнь у Элизабет. Он лишил жизни и Курта Нилона. И он не просто за-

брал отца Клэр и мужа Джун — он забрал офицера Нилона, служившего в полиции Линли. Он забрал тренера команды Малой лиги округа Графтон. Он забрал учредителя Дня безопасного велосипеда в начальной школе Линли. Шэй Борн забрал государственного служащего, который в момент смерти защищал не только свою дочь, но и каждого гражданина и общество в целом. Общество, которое состоит из отдельных личностей — из всех нас. — Прокурор положил фотографии на стол изображением вниз. — Есть причина, дамы и господа, по которой в Нью-Гэмпшире пятьдесят восемь лет не применялась смертная казнь. Это потому, что из множества дел, рассмотренных ранее, ни одно не соответствовало такому приговору. Однако существует причина, почему добропорядочные граждане нашего штата оставили возможность смертной казни, вместо того чтобы отменить ее, как сделали многие другие штаты. И эта причина сегодня сидит в зале суда.

Мой взгляд проследовал за прокурорским и остановился на Шэе Борне.

— Если за последние пятьдесят восемь лет по какому-то делу и могло быть назначено исключительное наказание, — заключил прокурор, — так это именно оно.

В колледже ты словно под огромным колпаком. Поступаешь туда на четыре года, забывая, что, помимо курсовых работ, промежуточных экзаменов и чемпионатов по бирпонгу, существует реальный внешний мир. Газет ты не читаешь — читаешь учебники. Новости не смотришь — смотришь шоу Леттермана. Но тем не менее до тебя доносятся отголоски внешнего мира: мать, запершая детей в машине и пустившая ее под откос в озеро, чтобы они утонули; разлюбленный муж, застреливший жену на глазах у детей; серийный насильник, месяц продержавший девочку-подростка привязанной в подвале, а затем перерезавший ей горло. Убийство

Курта и Элизабет Нилон было ужасным, это верно, но разве другие были менее ужасны?

Поднялся адвокат:

— Вы признали моего клиента Шэя Борна виновным по двум пунктам тяжкого убийства, и он этого не оспаривает. Мы принимаем ваш вердикт, мы уважаем ваш вердикт. Однако в данный момент штат просит вас завершить это дело — о смерти двух человек — смертью третьего...

Я почувствовал, как между лопатками потек пот.

— ...Убив Шэя Борна, вы не сделаете ничью жизнь более безопасной. Но если вы решите не казнить его, он никуда не денется. Он будет отбывать два пожизненных срока без права на условно-досрочное освобождение. — Адвокат положил руку на плечо подсудимого. — Вы слышали рассказ о детстве Шэя Борна. Откуда ему было знать, что люди берут пример со своих близких? Как он мог научиться отличать правду от неправды, хорошее от плохого? Если уж на то пошло, где он мог узнать цвета и числа? Кто должен был читать ему сказки на ночь, как делали это родители Элизабет Нилон? — Адвокат подошел к нам. — Вы слышали, что Шэй Борн страдает маниакально-депрессивным психозом и его не лечили. Вы слышали, что у него нарушена обучаемость, поэтому простые для нас задачи представляют для него невероятную сложность. Вы видели, как трудно ему выразить свои мысли. Все это привело к тому, что Шэй сделал неправильный выбор — с чем вы, без сомнения, согласны. — Он по очереди взглянул на каждого из нас. — Шэй Борн сделал плохой выбор, — повторил адвокат, — но не усугубляйте этого своим неверным выбором.

Джун

Все зависело от присяжных. Опять.

Странная идея — отдать правосудие в руки двенадцати чужих человек. Во время вынесения приговора я наблюдала за их лицами. Там были матери — я ловила их взгляды и улыбалась, когда могла. Несколько мужчин по виду напоминали бывших военных. Был среди них и молодой парень, возможно еще не брившийся, — где уж ему принять правильное решение!

Мне хотелось посидеть рядом с каждым из них. Хотелось показать записку, оставленную Куртом после нашего первого официального свидания. Хотелось дать им прикоснуться к мягкому чепчику, в котором новорожденную Элизабет привезли домой из больницы. Хотелось, чтобы они прослушали автоответчик, — я никак не могла стереть эти записки с дорогими мне голосами, хотя всякий раз при их воспроизведении чувствовала, что с меня живьем сдирают кожу. Хотелось привести их в спальню Элизабет, где висели ночник с феей Динь-Динь и нарядные детские платья. Хотелось, чтобы они зарылись лицом в подушку Курта, вдохнули его запах. И я бы очень хотела, чтобы они пожили моей жизнью, потому что только тогда они бы поняли, что я потеряла.

В тот вечер, вернувшись домой после заключительного слова в суде, я, убаюкав Клэр, сама заснула с ней на руках. Мне приснилось, что она плачет наверху, вдали

от меня. Я поднялась по лестнице в детскую, хранившую запах свежего дерева и подсыхающей краски, и открыла дверь. «Иду», — сказала я и, переступив порог, поняла, что эта комната так и не была закончена, что ребенка нет и я падаю в пустоту.

Майкл

Далеко не каждый может оказаться в составе суда присяжных. Матери с маленькими детьми, бухгалтеры с их срочными отчетами, доктора наук, уезжающие на конференции, и подобные им люди исключаются. Остаются пенсионеры, домохозяйки, инвалиды и студенты вроде меня, потому что никто из нас не привязан к определенному месту и времени.

Старшина присяжных, пожилой мужчина Тед, напомнил мне моего деда. Не внешностью и не манерой говорить, а своим даром заставлять нас выполнять задачи. Мой дед был таким же. Рядом с ним хотелось показать себя с лучшей стороны, и не потому, что он этого требовал, а потому, что ничто не могло сравниться с его одобрительной улыбкой.

Именно из-за деда меня выбрали в присяжные. Пусть мой личный опыт не содержал и намека на убийство, однако я знал, каково это — потерять любимого человека. Нельзя отмахнуться от горя, ты детально проживаешь его — и я просто понимал чувства Джун Нилон больше, чем она могла себе представить. Этой зимой, четыре года спустя после смерти деда, кто-то влез ко мне в комнату и украл компьютер, велосипед и единственную фотографию, на которой нас с дедом сняли вместе. Вор почему-то забыл серебряную рамку. Я заявил о краже в полицию, но больше всего мне было обидно из-за этой фотографии.